

19 ИЮН 1979

КульТУРА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В МОСКОВСКОМ театре юного зрителя еще только начинался обычный рабочий день, а в кабинет главного художника уже кто-то заглядывал, через каждые пять минут звонил телефон. Заходил художник по свету: посоветоваться о новой постановке. Забегал художник-оформитель: просил что-то нарисовать для вечернего спектакля. Звонили из пошивочного цеха: износился костюм Красной Шапочки, из чего шить новый? Главный художник что-то быстро набрасывал на листе, вычислял, придумывал. Бесконечные вопросы и просьбы ему, видимо, не мешали.

За два часа в кабинете главного художника Московского тюза Владимира Львовича Талалая можно узнать все стороны жизни театра. Практически эта тесная комната — живая история Московского тюза. Ведь недавно исполнилось тридцать лет, как Владимир Львович Талалай здесь главный художник. Главный изобретатель, главный кудесник сценического пространства.

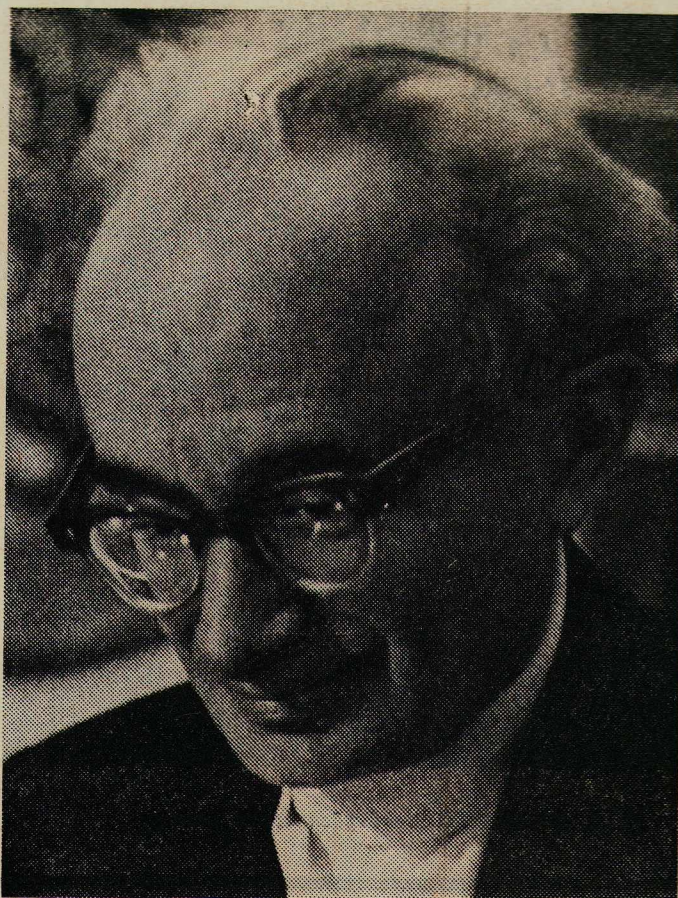
Здесь он в одну минуту нафантазирует и тридцатое царство, и тридцатое государство. Да, сказки он всегда любил. Чудеса — это он может, сколько угодно! Недаром еще мальчишкой присматривался он к работе старых мастеров, оформителей и бутафоров, читал о старых, забытых сценических «чудесах» в старинных книгах по театру Возрождения.

Как грустно бывает, когда, ожидая увидеть таинство сказки, мы попадаем на спектакль тусклый, невыразительный или, наоборот, безвкусно-пышный и пестрый. Но если вы идете на сказку, оформленную Талалаем, заранее можно сказать — вы попадете в мир детской радости и увлекательной мечты. На сцене будет много выдумки, фантазии, светлых красок и удивительных превращений.

Был однажды в Тюзе такой спектакль — «Синий цветочек». Те, кто его видел, до сих пор помнят, как на открытой поляне вдруг чудесным образом выросли ели, во мгновение ока разлилась голубая речка, откуда ни возьмись возникал пряничный домик.

Веселая сказка — дело само по себе трудное, для педанта или «сухаря» не годится. А вот Талалаю, сказочнику в душе, она как раз пришлась по вкусу. Когда в конце сороковых годов Владимира Львовича пригласили в детский театр, он принял это приглашение с большой охотой. Хотя, казалось бы, уже известному художнику «взрослого» театра в то время должно было бы быть не до сказок — годы были трудные, послевоенные. Но художник Талалай рассуждал иначе. Он любил детей и хотел, чтобы они, пережившие войну, узнали, наконец, радость встречи с прекрасным. Вот так, убежденно и радостно, пришел Талалай после войны в Московский тюз и вдохновенно творит в нем по сей день.

Вообще же театральная биография этого художника началась в четырнадцать лет. Он родился в маленьком провинциальном городке Новгороде-Северском, где было не больше десятка улиц. Но здесь существовал свой театр, куда приезжали на гастроли лучшие мастера театра. Здесь побывали А. Таиров и А. Коонен, М. Гаркави и А. Дикий, С. Бирман и С. Гиацнтлова. Вот в этот театр и пришел юный Талалай. Сначала просто помогал художнику — размешивал краски, подавал кисти, рисо-

люди искусства

ГЛАВНЫЙ КУДЕСНИК

Зинаида БУРДЮЖА

вал афиши. Потом и сам стал писать. Запах кулис и театральных красок полонили его на всю жизнь. Он окончил Одесский художественный институт и начал свою театральную деятельность в текстильном центре России — городе Иванове как главный художник сначала Драматического театра, затем Театра музыкальной комедии. Оформлял классические и зарубежные пьесы. Но больше всего привлекали его пьесы советские: «Чудесный сплав» В. Киршона, «Глубокая провинция» М. Светлова.

В 1936 году Владимир Львович Талалай приехал работать в Челябинский театр имени Цвиллинга. Именно здесь он оформил спектакль «Человек с ружьем». Художник Талалай стал полноправным создателем этой постановки, столь органичны и выразительны были его декорации. Здесь, на Урале, его застала война. Теперь он работал над спектаклями не только в Челябинске, но и в Магнитогорске. Здесь он оформил «Русские люди» К. Симонова. Пьеса еще только печаталась на страницах «Правды», а в театре уже шли репетиции. «Когда говорят о Родине, я всегда две березки вспоминаю», — эти слова героини спектакля подсказали художнику образ. Талалай создал как бы сюиту о двух березках. Вначале они, тонкие, белоствольные, светились на солнце. Но разорвавшийся над ними снаряд стибал, ломал ветви. И вот уже ветки обрублены и маскируют зенитки. А потом листва облетает совсем. Но с приходом весны поднялись новые деревца. А из старых срубили березовый крест — и на нем болтается каска уби-

того фашиста. «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет!». Страстная тема обличения войны нашла потом продолжение и в тюзовском спектакле «Звезда».

Работы театрального художника не имеют той долгой жизни, какая уготована творениям живописцев, скульпторов, архитекторов. От прошлых спектаклей остаются лишь эскизы да макеты. А по ним все-таки трудно судить о том, что жило и действовало на сцене. «Наверно, не случайно возросший интерес к театру во всем мире во многом связан и с развитием сценографии», — говорит художник. — Сколько интересных выставок театрально-декорационного искусства устраивается в последнее время! И все-таки, думается, работа художника, не воплощенная на сцене, мертва... Декорации оживают только с первым лучом прожектора, согретые режиссерской и актерской эмоцией, мыслью».

В спектакле «Остановите Малахова!», оформленном Талалаем, на белых стенах, как переводные картинки, лица детей с полотен великих художников: маленькая принцесса Веласкеса, Гаврош с картины Делакруа, Сикстинская мадонна с младенцем. Детство всех времен и народов, смотрящее на Малахова с разных сторон.

Страстным обвинением живут на сцене и декорации к «Последним» М. Горького. Старый дом, комнаты-клетишки, пыль, теснота, нагромождение бесполезных, ненужных вещей. Разбитое пианино, на котором все бренчат, но никто не умеет играть по-настоящему. Граммофон, из которого почему-то слышно только одну надрывно-

цыганскую мелодию. Буфет, столы и стулья, пугающие своими громадными объемами. Грязный лабиринт, из которого нет выхода. Бессмысленность, бесчеловечность мира, где нет места ничему живому.

Талалай умеет сотворить на сцене не просто вещественную среду, а среду образную. Из комбинации простых вещей он создает яркую метафору. Вот он берет обычный домашний цветок из тех, что невинно красуются на наших подоконниках, и помещает его в центре сценической площадки «Последних». Обитатели дома все стараются обойти его, но каждый раз натываются вновь. И цветок из серо-зеленого под лучом прожектора вдруг становится ржавым, окровавленным.

Этот художник вообще умеет совмещать на сцене предметы, казалось бы, несовместимые, и их взаимодействие рождает бесчисленные ассоциации, по-новому раскрывает смысл происходящего. В тех же «Последних» в окошки причудливой, изящной формы вставлены черные решетки, а на решетках... бантики. Так переплелись в декорации, как и в жизни персонажей, изысканность быта и убожество духа, любовь к изящному и бесчеловечность. Привлекает умение мастера устанавливать зримые вещественные связи между нашим повседневным миром и миром спектакля. Деталь, взятая прямо из сегодняшнего дня, — это, может быть, свитер Пети в «Последних», концертные платья актеров при первом появлении в «Носе» Д. Шостаковича (Московский камерный музыкальный театр) или даже замшевый костюм на всем известном Сером Волке из «Красной Шапочки». У Талалая, как правило, не бывает случайных деталей. Они всегда помогают устанавливать непосредственную связь происходящего на сцене с современностью.

Хотя в каждой новой работе все приходится начинать заново — снова риск, упорный труд. Его интересные, полные тонкого вкуса декорации можно увидеть не только на сцене Московского тюза. И в каждом театре художник пытается найти новое решение, исходя из стиля и традиций данного коллектива. В спектакле МХАТа имени М. Горького «Без вины виноватые», например, он воссоздал на сцене грустные, пыльные кулисы провинциального театрала и окружил их «живыми» деревьями. Недавно я спросила одного молодого актера: за что в театре любят Талалая? Он заулыбался: «Сразу и не скажешь, наверное, за талант».

Но любят его не только за талант. За доброту, скромность, принципиальность. Недаром Московский тюз почти десять лет избирал Владимира Львовича секретарем своей партийной организации. И теперь, активный член совета по детскому театрам ВТО, член Советского центра АССИТЕЖ, художник постоянно участвует в общественной жизни своего театра, республики, всей страны.

...Сегодня, как и всегда, художник полон забот и новых замыслов: только что закончил еще одну статью о театре, снова придумывает чудеса для новой сказки. Для всех нас, кто приходит на его спектакли, — он по-прежнему маг, чародей сцены.

● Заслуженный деятель искусств РСФСР В. Талалай.